

УДК 821.512.145; 391

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-89-94

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗЕ ГАЯЗА ИСХАКИ «КӘЖҮЛ ЧИТЕК»

© Дина Гатина-Шафикова, Эльза Набиуллина

ETHNOGRAPHIC IMAGES IN GAYAZ ISKHAKI'S "MAGIC BOOTS"

Dina Gatina-Shafikova, Elza Nabiullina

The article examines the role of ethnographic images in revealing the picture of the Tatar community's everyday world in the early twentieth century. The study is based on the story "Magic Boots" by Gayaz Iskhaki, first published in 1916 in the 9th issue of the magazine "An". The work of G. Iskhaki was well studied by Tatar literary critics both during the lifetime of the writer and after his death. The novelty of our research lies in the study of ethnographic images in a historical context. We analyze the characters' perception of objects and details of everyday life to better understand the images, ideas and problems, introduced by the author in his story. The article systematizes the depth and scope of the study of this work in Tatar literary criticism and briefly describes the features characterizing this type of footwear in the Tatar environment. We prove that G. Iskhaki strives for ethnographic accuracy in creating an artistic whole.

Keywords: Tatar literature, G. Iskhaki, national picture of the world, everyday life, life, traditional costume, artistic image

В статье изучается роль этнографических образов в раскрытии картины повседневного мира татарского сообщества начала XX века. Материалом для изучения послужил рассказ Гаяза Исхаки «Кәжүл читек» («Сафьяновые сапожки»), впервые опубликованный в 1916 году в 9 номере журнала «Аң». Творчество Г. Исхаки довольно хорошо изучено татарскими литературоведами как при жизни писателя, так после его ухода из жизни. Новизна нашего исследования состоит в изучении этнографических образов в историческом контексте и анализе восприятия предметов и деталей повседневной жизни героями произведения для общего понимания введенных автором образов, идей и проблемы рассказа. В работе систематизирована степень изученности данного произведения в татарском литературоведении. В статье кратко охарактеризованы особенности бытования этого вида обуви в татарской среде. Доказано, что Г. Исхаки стремится к этнографической точности в создании художественного целого.

Ключевые слова: татарская литература, Г. Исхаки, национальная картина мира, повседневность, быт, традиционный костюм, художественный образ

Творчество Г. Исхаки подробно изучено татарскими литературоведами: как современниками писателя (Дж. Валиди [1], Г. Ибрагимов, Г. Губайдуллин, Ф. Амирхан), так и нашими современниками после возвращения творческого наследия писателя на родину (Л. Гайнанова, И. Нуруллин, М. Хасанов [2], Ф. Мусин [3], Х. Миннегулов [4], Р. Харрасова [5] и др.). В фокусе внимания лингвистов Ф. Сафиуллиной [6], В. Хакова [7], Т. Хайрутдиновой [8] и др. оказались языковые особенности рассказа «Кәжүл читек» («Сафьяновые сапожки»). Литературовед Л. Мингазова восхищается мастерством Г. Исхаки в изображении психологии ребенка [9]. В статьях А. Закирзянова [10], Ф. Гафурова [11] содержится ряд методических рекомендаций по изучению этого произведения в школе. Изуче-

нию особенности бытования этого произведения на татарской сцене посвящен ряд работ ([12], [13], [14]). Новизна нашего исследования состоит в изучении роли этнографических деталей в реализации авторского замысла.

При знакомстве с жизнью, трудами и творчеством классика татарской литературы Гаяза Исхаки (1878–1954) невольно возникает вопрос: почему такая личность с энциклопедическими познаниями и широким кругозором, организатор и участник масштабных мероприятий в сфере политики, образования и печати, как Гаяз Исхаки, обращал внимание, казалось бы, на первый взгляд малозначимые детали обыденной, повседневной и рутинной жизни. Прежде всего он понимал, что, обладая знаниями культурного кода, познанием менталитета народа сквозь призму

отдельных личностей, возможно найти подход и решение к такому глобальному вопросу, как сохранение идентичности в меняющемся мире.

Еще современники говорили об уникальности и новизне творчества Гаяза Исхаки, признавая его основоположником новой реалистической литературы начала XX века. Так, известный литературный критик Джамал Валиди, хорошо знакомый с творческой лабораторией писателя, в своей статье «Гаяз эфэнде» для газеты «Вақыт» (5 марта, 1913 года) говорит: «Г. Исхаки – писатель из народа, <...> он описывает жизнь в повседневном потоке, создает яркие типы, собирая характеры из каждодневной рутины» [1].

В годы перестройки, в период возвращения литературного наследия писателя на родину, Ф. Мусин обратил внимание на смелость писателя в разработке злободневных проблем: «Главной целью его творчества становится раскрытие болезненных явлений в татарском мире. Автор входит в полемику с лживыми „патриотами“, которые стараются показывать жизнь нации, приукрашая и скрывая ее болезненные стороны» [3, с. 19] (здесь и далее подстр. пер. наш. – Д. Г.-Ш., Э. Н.).

В своих незатейливых историях Исхаки рассказывал о бытовой повседневности татар рубежа XIX–XX веков, никого не осуждая и ничего не приукрашивая. Одним из таких произведений автора является детский рассказ «Сафьяновые сапожки» («Кәжүл читек», 1916) [15]. Исследователь в области татарской детской литературы Лейля Мингазова отмечает, что этот рассказ уникален тем, что он является редким экземпляром татарской прозы начала XX века, где объектом повествования является личность ребенка, его внутренний мир и переживания [9, с. 157].

В литературном произведении отражается субъективная жизнь автора, образ мышления человека, жизненный взгляд героя как представителя определенной эпохи, общества и нации. Необходимо отметить, что у современного читателя при знакомстве с произведениями классиков могут возникнуть сложности в понимании предметов, отдельных деталей будничной жизни героев, вокруг которых, возможно, строится сюжет, композиция произведения. Это связано с тем, что одним из важнейших качеств повседневности является и с т о р и ч н о с т ь. Литературовед Т. Г. Струкова говорит: «Историчность повседневности иногда приводит к тому, что читателю бывает трудно понять обыденность иного времени не только потому, что культурные реалии разных исторических периодов отличаются, но и потому, что у читателя другой эпохи индивидуальное культурное поле будет иным, к примеру, сужен-

ным. И тогда аутентичное декодирование текста становится почти недостижимым» [16, с. 22]. Таким образом, вопросы, затрагиваемые авторами, могут стать непреодолимой проблемой для восприятия и понимания смысла, поскольку непосредственным потребителем является поколение, которое, как и их родители, не являлись пользователями описываемого, что приводит к общему недопониманию контекста воспроизводимого. Как результат – произведение интерпретируется читателем через призму современной реальности, его потенциал полностью не раскрывается.

Обращая внимание на детали, разговор, одежду, прическу героев, читатель раскрывает глубину и многогранность, начинает лучше чувствовать изложенное автором. В русской культуре об этом впервые заговорил Ю. М. Лотман: «Чтобы понимать смысл поведения живых людей и литературных героев прошлого, необходимо знать их культуру: их простую, обычную жизнь, их привычки, представления о мире, одежде» [17, с. 10]. Следовательно, для объективного восприятия бытового мира, описываемого Исхаки, нужны научные знания традиционной этнографии, раскрывающие вещественный мир традиционной культуры татар конца XIX – начала XX века: труды Н. И. Воробьева [18], Н. А. Халикова [19], Р. Г. Мухамедовой [20], С. В. Сусловой [21] и др.

В небольшом рассказе для детей «Кәжүл читек» Гаяз Исхаки представляет чувства и переживания маленького мальчика, сына деревенского муллы Ахмадуллы, который с нетерпением ждет праздника Курбан-байрам. Весь год малыш лелеял мечту получить в подарок на праздник новые кожаные ичиги (*кәжүл читек*), параллельно дразня своих приятелей рассказами о желанном подарке. Сюжет произведения строится вокруг образа ичигов, благодаря им же раскрывается характер главного героя.

Необходимо разобраться, почему данная обувь была так привлекательна для ребенка и представляла для него статусную вещь, которой возможно хвастаться среди своих сверстников. Относительно наименования таких желанных *кәжүл читек*, самого материала производства и формы сапог, исследователь Л. И. Саттарова пишет: «...разнообразие видов „азиатской“ обуви, производимой в Казани, впечатляет. Здесь были „ташкентские“ мужские вытяжные ичиги черного цвета – бараньи и козловые» [22, с. 22]. Далее она описывает и сам вид данного изделия, что дает нам возможность представить, о каком типе обуви говорил мальчик: «Своеобразие кроя вытяжных мужских ичигов состоит в том, что они шились из единого куска юфти темного цвета с

двумя подкройными деталями: фигурным задником из среднеазиатской зеленой шагрени и отворотом коричневого или красного цвета, который пришивался к полукруглому срезу голенища» [Там же, с. 22–23].

Ахмадулла рассказывает всем, что сегодня его папа привезет из Казани угощение (*саплы калач*) и ичиги (*читек*), подробно описывая каждую деталь заветного дара:

«Өр-яңа читек. Аның саурысы синең апаңның намазлык чигә торган үрнәге кебек чәчәкле була. Аның олтаны – болгар олтаны, кырыеннан киселгән. Ярып ук киселгән. Үзе кып-кызыл төсле... Аның балтыры шадраланып тора, чем-кара» (курсив наш. – Д. Г.-Ш., Э. Н.) [15, с. 301]. – «Совершенно новые ичиги. Их саури (кожа, выделанная из шкуры лошадей) будет таким же цветочным, как и образец для вышивания намазлыка (подстилка для чтения молитвы-намаза) твоей сестры. Их подошва – болгарская подметка, срезанный с краев. Полностью срезаны. Сами они ярко-красные... Их голенища шероховатые, черные» (здесь и далее перевод наш. – Д. Г.-Ш., Э. Н.).

Таким образом, открываются новые подробности: когда их надевали, как украшали и носили. Кожаные сапоги были как на твердой подошве или каблуке, так и на мягкой подошве, которые обычно носились в помещении. Что касается чтения намаза в подобной обуви, то сама практика была включена в издание «Кустарная промышленность Татарстана» 1931 года, где Г. М. Залкинд находит связь кроя и формы татарской кожаной обуви и религии мусульман: «Они с давних пор на всем мусульманском Востоке получили некоторую связь с обрядами ислама. Так, в Туркестане ичиги всегда называются еще и „масх“, т. е. им приписывается необходимость для ритуального жеста, которое заменяет для каждого мусульманина омовение ног» [23, с. 26]. Известный исследователь и этнограф Н. И. Воробьев по поводу особенностей и деталей мужской обуви отмечал, что «у богатых ичег на верхней части голенища устраивается отворот из цветного, чаще красного или зеленого сафьяна. Материалом для мужских ичег большинстве случаев служит обычная юфть и только у богатых они изготавливаются из сафьяна. Мужские ичиги шьются преимущественно черного цвета, и только в задник вставляется кусок из кожи средне-азиатского происхождения (сауре) из кожи зеленого цвета» [18, с. 350–351]. Необходимо также упомянуть и о самом узоре, раз автор специально подчеркивает его особенность. Современные авторы не единожды указывают на древность истоков татарской кожаной обуви, обращаясь к болгарскому наследию, мастерам, сла-

вившимся превосходной обработкой кожи, и неслучайно хорошо выделанные сафьян, юфть в Средней Азии именуют «булгари», у алтайцев – «пулгарай», у венгров – «багария» [24, с. 171]. Для полного понимания, необходимо соотнести описание и с музейными коллекциями. Подобного типа пара мужской обуви казанских татар, хранится в Российском этнографическом музее (РЭМ) под номером РЭМ 8762-24630/1,2.

Следующий, не менее важный момент, на который указывает Ахмадулла, – одежда, которую он наденет и которая подчеркнет его статус наравне с обувью:

«Миңа иртәгән гаеткә киеп барырга әби чапан тегә, минем чапан жем-жем итеп тора. Әби әйтә: „Мондый чапанны бохар падишасының угылы гына киядер, – ди. – Саранжы“, – ди» [15, с. 301]. – «Мне бабушка к завтрашнему празднику сошьет чапан, мой чапан блестит. Бабушка говорит: „Такой чапан носит только сын бухарского падишаха, это саранчы“».

Возникает новый термин – «чапан», обозначающий верхнюю одежду с прямой спинкой, со сквозным вертикальным разрезом и открытым воротом, с пришитыми к полам клиньями, усиливающими запах. Н. И. Воробьев в «Материальной культуре казанских татар» упоминал, что «чапаны в большинстве случаев носят духовенство и редко богатые татары, для хождения в мечеть и на торжественные обеды (меджлис)» [18, с. 324]. К. Насыри детально описывал также и ткани, используемые для пошива, когда «для его изготовления используют адрас, бикасап, саранчу, бенарис. Как и джилян, он шьется на подкладке и по краям обшивается шелковым шнурком» [25, с. 22].

Головной убор являлся не менее важной деталью, которая была включена в произведение:

«Мулла абый миңа иртәгә чалма чалып бирә» [15, с. 301]. – «Дядя мулла завтра мне повяжет чалму».

Мальчик указывает, что его старший брат повяжет ему особенный головной убор. Для общего понимания необходимо указать, что чалма носилась татарскими священнослужителями – муллами, представляя собой прямоугольный кусок ткани, обычно белого цвета, обмотанного вокруг основы (нижнего головного убора).

Как было указано ранее, кожаная обувь на мягкой подошве носилась только в помещении, а при выходе на улицу использовались, соответственно, кожаные калоши, которые также встречаются в тексте. К примеру, Ф. Х. Валеев писал,

что «при выходе на улицу на них (сапоги без подошвы. — прим. автора) всегда надевались специальные башмаки из толстой кожи с острыми и загнутыми кверху носами» [26, с. 75]. Автор также описывает и способы ухода и обновления обуви, включающие в себя обработку кожи гусиным жиром:

«Минем *кәвешем* эле өр-яңа. Мин аны кимәгәнә, эзрәк кибеп киткән. Әби эле аны суга салып куйды. Аннан соң әби аны каз мае белән майлай, ул өр-яңа була» [15, с. 302]. — «Мои калоши еще совсем новые. Я их не носил, поэтому они слегка засохли. Бабушка положила их в воду. Потом она их почистит гусиным жиром, и они станут совершенно новыми».

Наступает долгожданный предпраздничный вечер, когда каждый член семьи получает от отца заветный подарок.

«Әнә, Рәбига тәрзәдә, кулына нәни генә *каймалы читекләр* тоткан» [Там же, с. 303]. — «Вон Рабига стоит у окна, держит в руках маленькие ичиги с каймой».

В отличие от сестры, по ходу сюжета Ахмадулла остался без ичигов, так как, по словам отца, мастер не успел пошить их в срок по причине болезни и обещал подготовить их к Ураза-байрам. Расстроенный мальчик весь в слезах, не сбылась его заветная мечта:

«Минем читегем юк, минем *кәжүл* читегем юк!» [Там же, с. 305]. — «У меня нет ичигов, у меня нет кожаных ичигов».

Мама предлагает ему надеть свои ичиги. Необходимо понимать, что женская обувь отличалась от мужской обилием декоративных деталей в виде мозаичного узора со стачным швом, расположенным практически по всему периметру обуви. Мальчик прекрасно понимал, что существует разница между мужской и женской обувью, поэтому для него было унижительно слышать такое предложение:

«Мин катымшамыни хатыннар читеген кияргә!» [Там же, с. 306]. — «Я что вам женоподобный что ли, носить женскую обувь?!»

Уставший, изнедавший разные эмоции: радость ожидания, разочарование, горечь потерь (ведь заветная мечта была совсем рядом) — Ахмадулла отправляется спать, утешаемый бабушкой, которая обещает ему сшить за ночь новые ичиги:

«Бар да тәмам. Өр-яңы чапан, тәймәсен генә тагасы бар. Иртәгә менә *читек* тә өлгертәм» [Там же]. —

«Все готово. Новый чапан, нужно только пуговицы пришить. Назавтра подготовлю и ичиги».

Проснувшись утром, мальчика окружают, всячески отвлекают взрослые члены семьи и готовятся к праздничному намазу:

«Күлмәкне алай-болай киеп, кыска *жиңле* казакны кия-кия түргә чыктым. Анда әби чапан тоткан. Мулла абый чалма тоткан. Әби әллә кайдан *балтыр чүпрәкләр* белән *читек* алып килде» [Там же, с. 307]. — «Быстренько натянул рубаху, надел казакин с короткими рукавами и вышел в зал. Там бабушка держит в руках чапан. Дядя мулла чалму. Бабушка откуда-то приволокла портянки и ичиги».

Мальчика пытаются отвлечь от ичигов и не дают даже взглянуть на них:

«Мин тагы аягымны, *кәжүл* *читекле* аягымны карарга башымны бордым. Мулла абый тагын: „Тик тор!“ — диде» [Там же, с. 308]. — «Я снова повернул голову, чтобы взглянуть на свои ноги, на которых были надеты ичиги. Дядя мулла снова сказал, приказал: „Стой ровно!“».

В назначенный день Ахмадулла испытывает чувство гордости, радости, так как долгожданный час настал, и сейчас он предстанет перед сельским обществом нарядно одетым, а главным показателем отличия от всех, его привилегированного положения будет наличие необыкновенных ичиг. Кульминация переживаний главного героя передается через столкновение ожидания и реальности: радость от того, что настал его «звездный час», и глубокое переживание по поводу того, что он мог лишиться доверия друзей, того, что могло бы выделить его среди сверстников:

«Әбинсә: — Бәйрәм мөбарәк булсын, угылым! — дип аркамнан кагуына мин акырып елап йибәрдем» [Там же, с. 310]. — «Бабушка только успела похлопать по спине и поздравить со светлым праздником, как я разревелся».

М. М. Хабутдинова, А. Р. Мотигуллина, Л. Ф. Замалиева так определяют замысел Г. Исхаки: «Ахмадулла целый год провел в ожидании получения ичигов, которые для него сродни чуду, ассоциируются с новым этапом взросления, обретения нового статуса». «Ичиги Ахмадуллы сродни шинели из одноименной повести Н. Гоголя. Г. Исхаки, создавая этот рассказ, стремился художественно воплотить идею духовного преобразования человека: избавляясь от меркантильности, его маленький герой открывает для себя ценности духовной культуры» [12, с. 232].

Этнографические детали в рассказе «Кәжүл читек» («Сафьяновые сапожки»), с одной сторо-

ны, позволяют писателю добиться реалистичности в изображении эпохи, с другой, позволяют глубже раскрыть характер ребенка, в основе сознания которого лежат глубоко этнические факторы. Г. Исхаки прибегает к ним сознательно, чтобы раскрыть бытовой уклад татарского народа, выпукло показать особенности культурной традиции, этикета. Этнографические детали делают рассказ выразительней, самобытней. Они позволяют писателю вывести читателя к пониманию нравственного идеала татарского народа.

Список источников

1. Жәләй. Гаяз әфәнде // Вақыт. 1913. 5 май (№1145).
2. Заһидуллин А. Библиография // Гаяз Исхакий: тарихи-документаль жыентык. Казан: Жыен, 2011. Б. 739–915.
3. Мусин Ф. Гаяз Исхакий (Тормышы һәм эшчәнлеге). Казан: Тат. кит. нәшр., 1998. 191 б.
4. Миннегулов Х. Гаяз Исхакийның мөһажирлектәге иҗаты. Казан: Тат. кит. нәшр., 2004. 367 б.
5. Харрасова Р. Әдәби бәйләнешләр яктылыгында. Казан: РПФ «Гарт», 2002. 261 б.
6. Сафиуллина Ф. Г. Исхакийның хикәяләү осталыгы // Гаяз Исхакий һәм татар дөньясы. Казан, 2000. Б. 229–256.
7. Хаков В. Г. Исхакий һәм XX гасыр башында татар әдәби теле мәсьәләләре // Гаяз Исхакий һәм татар дөньясы. Казан, 2000. Б. 223–229.
8. Хайретдинова Т. Г. Исхакий әсәрләрендә тормыш-көн күреш лексикасының чагылышы // Гаяз Исхакий иҗаты: хәзерге караш. Казан, 2008. Б. 291–296.
9. Минһажева Л. Г. Исхакийның «Кәжүл читек» әсәрләндә психологизм // Гаяз Исхакий иҗаты: хәзерге караш. Казан, 2008. Б. 157–162.
10. Закирҗанов А. Г. Исхакий – мәктәптә // Гаяз Исхакий һәм татар дөньясы. Казан, 2000. Б. 281–286.
11. Гафурова Ф. «Кәжүл читек» һәм «Сөннәтче бабай» әсәрләрен мәктәптә өйрәнү // Гаяз Исхакий иҗаты: хәзерге караш. Казан, 2008. Б. 339–344.
12. Хабутдинова М. М., Мотигуллина А. Р., Замалиева Л. Ф. Наследие Г. Исхаки в репертуаре современного татарского театра // «Филология и культура. Philology and Culture». 2018 № 4 (54) С. 229–236.
13. Хәбетдинова М. М. Спектакль-могҗиза // Сәхнә. 2019. № 2. Б. 28–31.
14. Nureeva G. I, Mingazova L. I, Khabutdinova M. B. The personality of children's dramaturgy by Galimjan Gylmanov // International Journal of Criminology and Sociology. 2020. Vol. 9, Is. P. 2353–2359.
15. Исхакий Г. Кәжүл читек // Әсәрләр. 15 томда. 2 том. Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. Б. 301–310.
16. Струкова Т. Г. Феномен повседневности в литературе XX века. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2013. 208 с.

17. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства. СПб: Азбука-Аттикус, 2016. 544 с.
18. Воробьев Н. И. Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). Казань: Издание Дома татарской культуры: Издание Академического Центра ТНКИ, 1930. 480 с.
19. Халиков Н. А. Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.). Казань, 1995. 235 с.
20. Мухамедова Р. Г. Татары – мишари: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). М.: Наука, 1972. 248 с.
21. Суслова С. В. Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала. Казань, 2000. 312 с.
22. Саттарова Л. И. Казанская узорная кожа. Казань: Культура и традиция, 2004. 160 с.
23. Залкинд Г. М. Кустарная промышленность Татарстана. История и процесс производства обуви и головных уборов. Казань: ТАТИЗДАТ, 1931. 64 с.
24. Валеева-Сулейманова Г. Ф., Шагеева Р. У. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. Москва: Советский художник, 1990. 248 с.
25. Насыри К. Избранные произведения. Казань: Тат. кн. изд-во, 1977. 254 с.
26. Валеев Ф. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф. Татарское народное декоративное искусство (XVIII – начало XX в.). Истоки и традиции: монография. Казань: Тат. кн. изд-во, 2020. 217 с.
27. Доница Л. Н., Рамазанова Д. Б. Словник названий элементов татарского костюма. Казань, 2007. 120 с.

References

1. Жәләй. (1913). *Gayaz әфәнде* [Mr. Gayaz]. *Vakyt*. 5 mai (No. 1145). (In Tatar)
2. Zahidullin, A. (2011). *Bibliografiya* [Bibliography]. *Gayaz Iskhaki: tarikhi-dokumental' juyentyk*. Pp. 739–915. Kazan, Jyenyen. (In Tatar)
3. Musin F. (1998). *Gayaz Iskhakiy (Tormyshy ham ehshchänlege)* [Gayaz Iskhaki (Life and Activities)]. 191 p. Kazan, Tat. kit. nashr. (In Tatar)
4. Minnegulov, Kh. (2004). *Gayaz Iskhakiyınñ möhäjirlektäge iğaty* [Gayaz Iskhaki's Work in Exile]. 367 p. Kazan, Tat. kit. nashr. (In Tatar)
5. Kharrasova, R. (2002). *Әдәби бәйләнешләр яктылыгында* [In the Light of Literary Connections]. 261 p. Kazan, RPF "GarT". (In Tatar)
6. Safiullina, F. G. (2000). *Iskhakiyınñ khikäyaläw ostalygy* [Iskhaki's Storytelling Skills]. *Gayaz Iskhakiy һәм татар дөньясы*. Pp. 229–256. Kazan. (In Tatar)
7. Khakov, V. G. (2000). *Iskhakiy һәм XX gasyr bashynda tatar әдәби tele мәсәләләре* [Iskhaki and the Problems of the Tatar Literary Language in the Early Twentieth Century]. *Gayaz Iskhakiy һәм татар дөньясы*. Pp. 223–229. Kazan. (In Tatar)
8. Khairtdinova, T. G. (2008). *Iskhakiy әсәрләрендә tormysh-könkyresh leksikasynıñ chagılyshy* [The Lan-

guage of Life in Iskhaki's Works]. Gayaz Iskhakiy iжaty: khəzerge karash. Pp. 291–296. Kazan. (In Tatar)

9. Minhaeva, L. G. (2008). *Iskhakiyınñ “Kəçyl chiteK” əsərində psixologizm* [Psychologism in Iskhaki's “Magic Boots”]. Gayaz Iskhakiy iжaty: khəzerge karash. Pp. 157–162. Kazan. (In Tatar)

10. Zakirjanov, A. G. (2000). *Iskhakiy – məktəptə* [Iskhaki at School]. Gayaz Iskhakiy həm tatar dən'yasy. Pp. 281–286. Kazan. (In Tatar)

11. Gafurova, F. (2008). “*Kəçyl chitek” həm “Sənnəche babai” əsərləren məktəptə öirəny* [Studying the Works “Magic Boots” and “Grandpa Sunnatchy” at School]. Gayaz Iskhakiy iжaty: khəzerge karash. Pp. 339–344. Kazan. (In Tatar)

12. Khabutdinova, M. M., Motigullina, A. R., Zamalieva, L. F. (2018). *Nasledie G. Iskhaki v repertuare sovremennogo tatarskogo teatra* [Iskhaki in the Repertoire of Modern Tatar Theater]. “*Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*”. No. 4 (54), pp. 229–236. (In Russian)

13. Khəbetdinova, M. M. (2019). *Spektakl'-moğəçiza* [A Miracle Performance]. Səkhne. No. 2, pp. 28–31. (In Tatar)

14. Nureeva, G. I., Mingazova, L. I., Khabutdinova, M. (2020). *The Personality of Children's Dramaturgy by Galimjan Gylmanov*. International Journal of Criminology and Sociology. Vol. 9, Is. Pp. 2353–2359. (In English)

15. Iskhakiy, G. (1998). *Kəçyl chitek* [Magic Boots]. Əsərlər. 15 tomda. 2 tom. Pp. 301–310. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

16. Strukova, T. G. (2013). *Fenomen povsednevnosti v literature XX veka* [The Phenomenon of Everyday Life in the Literature of the Twentieth Century]. 208 p. Voronezh, Voronezh. gos. ped. un-t. (In Russian)

17. Lotman, Yu. M. (2016). *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva* [Talks about Russian Culture: Life and Traditions of Russian Nobility]. 544 p. St. Petersburg, Azbuka-Attikus. (In Russian)

18. Vorob'ev, N. I. (1930). *Material'naya kul'tura kazanskikh tatar (opyt etnograficheskogo issledovaniya)* [Material Culture of the Kazan Tatars (experience of ethnographic research)]. 480 p. Kazan', izdanie Doma

tatarskoi kul'tury: Izdanie Akademicheskogo Tsentra TNKP. (In Russian)

19. Khalikov, N. A. (1995). *Khozyaistvo tatar Povolzh'ya i Urala (seredina XIX – nachalo XX v.)* [The Economy of the Tatars from the Volga Region and the Urals (mid-19th - early 20th centuries)]. 235 p. Kazan'. (In Russian)

20. Mukhamedova, R. G. (1972). *Tatary – mishari: istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [Tatars - Mishars: A Historical and Ethnographic Study of Material Culture (mid-19th - early 20th centuries)]. 248 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

21. Suslova, S. V. Mukhamedova, R. G. (2000). *Narodnyi kostyum tatar Povolzh'ya i Urala* [The Folk Costume of the Tatars from the Volga Region and the Urals]. 312 p. Kazan'. (In Russian)

22. Sattarova, L. I. (2004). *Kazanskaya uzornaya kozha* [Kazan Patterned Leather]. 160 p. Kazan', Kul'tura i traditsiya. (In Russian)

23. Zalkind, G. M. (1931). *Kustarnaya promyshlennost' Tatarstana. Istoriya i protsess proizvodstva obuvi i glavnykh uborov* [Handicraft Industry of Tatarstan. The History and the Production Process of Shoes and Hats]. 64 p. Kazan', TATIZDAT. (In Russian)

24. Valeeva-Suleimanova, G. F., Shageeva, R. U. (1990). *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo kazanskikh tatar* [Decorative and Applied Art of the Kazan Tatars]. 248 p. Moscow, Sovetskii khudozhnik. (In Russian)

25. Nasyri, K. (1977). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. 254 p. Kazan', Tat. kn. izd-vo. (In Russian)

26. Valeev, F. Kh., Valeeva-Suleimanova, G. F. (2020). *Tatarskoe narodnoe dekorativnoe iskusstvo (XVIII – nachalo XX v.)* [Tatar Folk Decorative Art (the 18th - early 20th centuries)]. Istoki i traditsii: monografiya. 217 p. Kazan', Tat. kn. izd-vo. (In Russian)

27. Donina, L. N., Ramazanov, D. B. (2007). *Slovník nazvanii ehlementov tatarskogo kostyuma* [Glossary of the Names of the Tatar Costume Elements]. 120 p. Kazan'. (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2021

Поступила в редакцию 14.11.2021

Гатина-Шафикова Дина Фасыховна,
научный сотрудник,
Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ,
420111, Россия, Казань,
Батурина, 7.
golocen@yandex.ru

Набиуллина Эльза Ринатовна,
аспирант,
ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ,

420111, Россия, Казань,
Батурина, 7.
segedet@gmail.com

Gatina-Shafikova Dina Fasykhovna,
researcher,
Sh. Mardzhany Institute of History,
Tatarstan Academy of Sciences,
7 Baturin Str.,
Kazan, 420111, Russian Federation.
golocen@yandex.ru

Nabiullina Elza Rinatovna,
graduate student,
G.Ibragimov Institute of Language, Literature
and Art, Tatarstan Academy of Sciences,
7 Baturin Str.,
Kazan, 420111, Russian Federation.
segedet@gmail.com